

Это существо, похожее на пиявку, слегка пошевелилось, когда она ткнула его веткой, и снова поползло внутрь, словно пытаясь избежать внешнего вмешательства.

Цинь Чаншэн вспомнила, что читала в какой-то книге: если пиявка заползла в рану, её ни в коем случае нельзя резко выдёргивать, иначе она порвётся и часть останется внутри, что приведёт к инфекции и воспалению. В таких случаях лучше всего использовать сигаретный дым или намазать рану ментоловым маслом, чтобы пиявка сама отвалилась.

Но в этой глуши где взять сигареты? Ментоловое масло она купила, но Цзян Чжунсюэ выбросила его как мусор.

Цинь Чаншэн почувствовала досаду. Зачем она тогда старалась быть доброй, отдавая всё Цзян Чжунсюэ?

Она не стала больше думать об этом. Глядя на эту громадину, она не могла позволить ей продолжать высасывать кровь! Если она её накормит досыта, то сама, наверное, обессилеет!

Цинь Чаншэн взяла ветку и осторожно попыталась поддеть эту гигантскую пиявку. Рана, казалось, была заражена слизью существа, и боль сменилась онемением, но в тот момент, когда она подняла пиявку палкой, острая, разрывающая душу боль пронзила её из глубины раны.

От этой внезапной волны мучительной боли Цинь Чаншэн невольно вскрикнула и ахнула. Ощущение было таким, словно кто-то включил мясорубку в самой глубине её раны, превращая всю плоть и кровь на пути в фарш.

Но эта сильная боль только укрепила её решимость избавиться от пиявки любой ценой. Чёрт с ним, что это за штука, ясно, что ничего хорошего от неё ждать не приходится! Если она порвётся и останется внутри, она просто разрежет рану ножом — не может же она не вытащить эту гадость!

Стиснув зубы, Цинь Чаншэн изо всех сил дёрнула ветку, чтобы снять гигантскую пиявку. К её удивлению, пиявка оказалась не такой стойкой, как она ожидала, и даже слишком легко вышла из раны, будучи подцепленной её веткой, и тут же обвилась вокруг неё.

Цинь Чаншэн, глядя на то, как эта штука извивается, почувствовала смертельное отвращение и тут же отшвырнула ветку. Она присела, чтобы осмотреть рану, стиснув зубы от боли, разорвала джинсы, раздвинула пальцами края раны, проверяя, не осталось ли там оторванных частей пиявки.

Из раны хлестала кровь, но никаких чёрных фрагментов не было. Цинь Чаншэн вздохнула с облегчением, но, вспомнив о пиявке, тут же, прихрамывая, подошла к отброшенной ветке, остановившись в полуметре от неё, чтобы рассмотреть.

При свете луны Цинь Чаншэн замерла.

То, что было на ветке, уже не напоминало клубок пиявки. Теперь существо свернулось, как змея. Это была не змея, на нём даже не было чешуи — толстое, чёрное, извивающееся тело, а голова овальной формы.

Она поняла, что это голова, потому что эта овальная часть теперь была обращена к ней, поддерживаемая телом, которое возвышалось в воздухе. На овальной «голове» не было ничего, кроме круглой присоски, внутри которой располагались ряды за рядами острых зубов.

Зубы, испачканные кровью, постепенно обнажали свой первоначальный белесый цвет, мелкие и плотные, словно аккуратно выложенные семечки подсолнуха, и все они были направлены на Цинь Чаншэн.

У неё волосы встали дыбом, она инстинктивно чуть не отшатнулась назад и наткнулась на кого-то позади.

За её спиной возникло ощущение прикосновения, и Цинь Чаншэн чуть не вскрикнула от испуга. Вовремя раздался голос Цзян Чжунсюэ:

— Это я.

Крик Цинь Чаншэн застрял в горле, её сердце бешено колотилось, когда она обернулась. Цзян Чжунсюэ вышла из-за неё, её лицо было крайне серьёзным. Она не взглянула на израненную, дрожащую от волнения Цинь Чаншэн, а прямо подошла к существу с зубастой присоской и сказала с явным отвращением:

— Они не смогли достать настоящего лунчжи, поэтому сделали это уродливое подобие вместо него?

Существо раскрыло присоску, внутри виднелись слои острых, бледных зубов, от которых кровь стыла в жилах.

Цинь Чаншэн стояла позади, осторожно наблюдая за действиями Цзян Чжунсюэ. Она гадала, как та будет справляться с этим чудовищем, но, к её удивлению, Цзян Чжунсюэ без изменений в лице подошла к существу и просто грубо наступила на него.

Цзян Чжунсюэ наступила на него ногой без малейших колебаний. Существо затрепыхалось, был вдавлен в почву её ногой, наружу торчащий конец ещё отчаянно бился, бешено дёргаясь. Цзян Чжунсюэ провернула ногу и безжалостно раздавила всю голову существа у себя под ногой в кровавую кашу.

Цинь Чаншэн смотрела на это, ошеломлённая.

Цзян Чжунсюэ подняла ногу и, словно ничего не произошло, вернулась. Цинь Чаншэн, видя, как та так просто расправилась с никогда не виданным прежде чудовищем, на мгновение не нашла слов.

Но спустя мгновение она тихо вздохнула: очевидно же, что Цзян Чжунсюэ использовала её как приманку.

Оставила её одну, под контролем других, оставила в опасности... но в итоге она сама бросила телефон в клубящийся белый туман, спугнув долгожданную добычу Цзян Чжунсюэ, так что теперь они квиты?

Цинь Чаншэн пожала плечами. Цзян Чжунсюэ, глядя на неё, заговорила:

— Этот белый туман знает меня.

Цинь Чаншэн рассеянно хмыкнула. Впереди факел по-прежнему горел, за тонкой полосой деревьев на границе леса, казалось, он был совсем близко.

Но было непонятно, далеко ли этот факел или совсем рядом.

Цзян Чжунсюэ сделала паузу и добавила:

— Если бы я была здесь, этот белый туман не появился бы. В прошлый раз мы выбрались из Призрачного леса, потому что были вместе, поэтому туман и не появился.

Цинь Чаншэн слушала её, хмыкнула, а затем, слушая дальше, невольно переспросила:

— Ты объясняешь это, чтобы извиниться?

Сказав это, она поняла, что прозвучало слишком прямо.

Цзян Чжунсюэ помолчала, глядя на неё, и спокойно сказала:

— Если бы здесь сейчас лежал твой труп, я бы сказала тебе то же самое. Я просто хочу, чтобы ты понимала, почему я оставила тебя здесь. Даже умирая, нужно ясно понимать, за что.

Цинь Чаншэн промычала «ох», и в душе у неё будто гора с плеч свалилась. Вот видишь, Цзян Чжунсюэ именно такая — бесчувственная. Только что, в момент смертельной опасности, она говорила такие трогательные слова, но как только ситуация изменилась, тут же может использовать тебя как пешку, чтобы выманить врага, подвергнув опасности.

Лунной ночью, при сильном ветре, двое, сражающиеся бок о бок среди демонов и духов, всё же разделены барьером под названием «доверие». Если бы Цзян Чжунсюэ сказала ей заранее, пусть даже зная, что придётся рисковать собой, она бы не отказалась от такого плана. Но Цзян Чжунсюэ никогда не считала её партнёром.

Стоило только заранее предупредить, и все её тревоги, страхи и муки моментально исчезли бы. Но Цзян Чжунсюэ не сделала этого. Она просто не доверяла ей.

А ведь они прошли через жизнь и смерть вместе.

У Цинь Чаншэн защекотало в носу, но она сделала вид, что всё в порядке:

— Ничего. Даже если ты не извиняешься, я тебя прощаю.

Цзян Чжунсюэ, глядя на неё, без эмоций произнесла:

— Тогда пойдём сейчас же.

Сказав это, она развернулась и пошла, совершенно не интересуясь только что кровоточившей ногой Цинь Чаншэн, просто снова направилась туда, где был свет.

У Цинь Чаншэн навернулись слёзы. Она подняла руку, вытерла покрасневшие глаза, в горле стоял ком, но она изо всех сил сдерживалась, яростно ругая себя в душе: «Хватит сентиментальничать! Она помогает тебе только из-за условий, обещанных семьёй Цинь. Надеяться на её доверие — просто несбыточная мечта!»

За тонкой полосой деревьев на опушке леса факел вдруг начал двигаться.

Увидев это, Цзян Чжунсюэ на мгновение замерла. Она остановилась на месте, нахмурилась, развернулась, схватила Цинь Чаншэн за плечо и тихо, но властно сказала:

— Спрячься!

Цинь Чаншэн опешила. Факел впереди двигался в их сторону, из кустов впереди доносилось шуршание. Она, прихрамывая, отступила к ближайшему дереву и спряталась в его тени.

Цзян Чжунсюэ быстро присоединилась к ней, встала рядом с Цинь Чаншэн за деревом и жестом показала ей молчать.

Впереди кусты раздвинулись, и пожилая женщина с пустым взглядом и измождённым лицом шаг за шагом приблизилась к их укрытию.

<http://bllate.org/book/16269/1464241>